

Дмитрий Колодан, Карина Шаинян

Затмение

Часть сборника
Жизнь чудовищ (сборник)

Дмитрий Геннадьевич Колодан

Карина Шаинян

Затмение

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170311

Аннотация

«Июль слоновьей тушей навалился на город, дыша в лицо зноем. На боках переполненных трамваев, завязших у светофора, вскипало солнце. Перекресток взрывался гудками и руганью, металлический скрежет больно отзывался в ушах; над улицей плыл запах горелой резины. Теодор шел прогулочным шагом, и поток прохожих болтал его, как морская зыбь буюк. Лысина побагровела, горячие подтяжки врезались в плечи, раскаленный костюм, казалось, весил целую тонну. От едких капель пота щипало глаза и запотевали очки, но Теодор упрямо продолжал ежедневную прогулку к порту...»

**Дмитрий Колодан,
Карина Шаинян
Затмение**

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Июль слоновьей тушей навалился на город, дыша в лицо зноем. На боках переполненных трамваев, завязших у светофора, вскипало солнце. Перекресток взрывался гудками и руганью, металлический скрежет больно отзывался в ушах, над улицей плыл запах горелой резины. Теодор шел прогулочным шагом, и поток прохожих болтал его, как морская зыбь буюк. Лысина побагровела, горячие подтяжки врезались в плечи, раскаленный костюм, казалось, весил целую тонну. От едких капель пота щипало глаза и запотевали очки, но Теодор упрямо продолжал ежедневную прогулку к порту.

У входа в Морской Банк, из которого в одуряющую жару улицы волнами вырывалась прохлада, Теодор прислонился к блестящим перилам и отер лоб. Ожидая, когда дыхание уймется, он рассеянно поглядывал на людей, проходящих в стеклянные двери. Помахал рукой швейцару – тот вежливо поклонился в ответ, но в его кивке Теодору почудилось неодобрение. Без всяких приемов чтения мыслей он знал, о чем думает этот усач в галунах: вот человек, который мог бы сделаться даже помощником директора, если бы постарался, да вот несчастье со сбежавшей невестой подкосило. Ни должности, ни семьи, лишь казенная квартира да сварливая домработница. Швейцары всё знают, с досадой подумал Теодор. Тридцать лет безупречной службы и слабое здоровье – достаточный повод выйти на пенсию. Зачем примешивать Алису? Он потер вспотевшую грудь, прислушиваясь к сума-

тошным ударам сердца, и покосился на швейцара.

Что-то однообразно и беспокойно зудело в ухе – в грохот улицы вплеталось тихое бормотание. Теодор заворочал головой и расплылся в изумленной улыбке. Под каменной стеной банка, у лужицы, натекающей из кондиционера, сидела белая собака в колпаке с обтрепанным помпоном. Теодор не мог взять в толк, как не заметил ее раньше. На собачьей шее болтался замусоленный гофрированный воротник, бок перепачкан мазутом и тиной. Капли конденсата оставили темные дорожки в густой шерсти, пожелтевшей от пыли. Рядом стояла коробка, оклеенная обрывками афиш.

– Дайте монетку, дайте монетку! – бубнила собака, уставившись в асфальт и мерно раскачиваясь.

Теодор сделал пару шагов в сторону и застыл посреди людского потока, склонив голову и рассматривая собаку с видом знатока. Его тут же сильно толкнули в плечо.

– Извините! – воскликнул Теодор, прижимая пухлую ладонь к груди и пытаясь увернуться от нового столкновения.

– А, ч-черт... Ничего-ничего, – пробормотал прохожий на бегу. Проходя мимо собаки, не глядя швырнул монету. Собака не отреагировала – лишь колыхнулся помпон на колпаке. Теодор поддернул брюки и грузно нагнулся, уперев руки в колени. Он разглядывал пса, пытаясь сообразить: кукла перед ним или настоящее, идеально выдрессированное животное. «Дайте монетку, дайте монетку», – бормотала собака: глаза прикрыты белесыми ресницами, голова качается, как

у китайского болванчика. Теодор выпрямился, растирая поясницу, и огляделся в поисках хозяина.

На всей улице нашелся один-единственный человек, спокойно стоящий на месте, – швейцар, ни капли не похожий на владельца циркового пса. Теодор прошелся по тротуару, высматривая афиши, и вернулся ко входу в банк. Стараясь выглядеть праздно, поднялся по широкой лестнице и остановился у дверей.

– Ох, и духота сегодня, – сказал он, – весь взмок. Швейцар солидно кивнул:

– Говорят, это какие-то пятна на Солнце. Затмение скоро, вот и жарит.

– Хоть из кожи выскакивай, – заметил Теодор. – Нам еще хорошо, а как собакам, например?

– А, заинтересовались собачкой? – усмехнулся швейцар. – Давно сидит, гнал – не уходит... Хотел полицию вызвать, да все-таки Божья тварь, пусть себе...

– А хозяин где? – с напускной безразличностью спросил Теодор.

– Не видел. Сама пришла, с коробкой в зубах. Так и торчит здесь – не кормлена, не поена. Таких хозяев в кутузку! – сплюнул швейцар. – Хотя, может, там и сидит, за бродяжничество...

Теодор покачал головой. Он не сомневался, что имеет дело с ловким и скрытным чревоушателем. Представив, как фокусник хихикает в кулак, глядя на суету вокруг собаки,

Теодор покраснел и улыбнулся. В душе мешались стыд, восторг и восхитительное чувство причастности – в конце концов, он хотя бы знал принципы, на которых строился трюк.

Изнывая от любопытства, Теодор вернулся к собаке в надежде разобраться, что написано на обрывках афиш на коробке. Осторожно протянул руку.

– Хорошая собачка, хорошая собачка, – приговаривал он. Аккуратно потрепал горячие уши – собака продолжала бубнить, будто не замечала его. Теодор потянулся к коробке. Собака замолкла, черные губы приподнялись, обнажив клыки – чистые и белые, как на рекламе зубной пасты. В зверином горле зарокотало, и Теодор отступил.

В полном расстройстве он вытащил из кармана часы и решительно уставился на циферблат. Бесплодная возня с собакой отняла слишком много времени. В порт уже не успеть: Агата не простит опоздания на обед.

* * *

Вентилятор сухо клал в пыльной духоте гостиной. Пластиковые лопасти потрескались, грязь глубоко въелась в решетку. Теодор поймал себя на том, что считает обороты: шестьдесят, и прошла еще одна минута. В лучах солнца стайки пылинок сплетались в причудливые спирали. Легкий бриз топтался на пороге, как неумелый коммивояжер, не решаясь предложить свой скромный товар – запахи бензина, лета и

морской соли. Щелк, щелк...

Теодор с тоской обзирал бледные обои в цветочек. На кипящих жизнью улицах творятся чудеса, а он по-прежнему сидит и ждет, сам не зная чего. Просто трусит, как много лет назад, когда ему не хватило смелости догнать Алису.

Воспоминание отозвалось щемящей болью. За десять лет Теодор так и не смог смириться с потерей. Не помогла даже добросовестная работа в Морском Банке – наивная попытка задавить тоску бумажным однообразием. Аргентина, Австралия, Китай – он убеждал себя, что это лишь слова. Но, читая на бланке «Гонконг», он видел Алису на крошечных, переполненных людьми площадях, бесстрашно входящую в клетку с хищниками. Лима, Пуэрто-Рико... Нет ничего глупее, чем сбежать с бродячим цирком и стать ассистенткой дрессировщика; но в глубине души Теодор восхищался Алисой. Что осталось ему? Квартира в центре города да индивидуальная пенсия за отличную работу; на мемуары хватит и тетрадного листка. Но, похоже, судьба дала еще один шанс. Теодор ждал его всю жизнь – сделать шаг и, может, он снова встретит Алису?

Теодор ковырялся в овощном супе. Агата, его домработница, всегда готовила одно и то же: суп, овсянка, слабый чай. Теодор уже смотреть не мог на рыхлую цветную капусту и бледные звезды моркови. Он гонял по тарелке разварившуюся луковицу, похожую на дряхлую медузу. По бульону расползались белесые кружочки остывающего жира.

Перед Теодором, подпертая солонкой, стояла «Всемирная история чудес» Гиббсона и Кара – настольная книга любого иллюзиониста. Теодор раз пять прочел ее от корки до корки, избранные главы мог пересказать дословно, но постоянно возвращался к засаленным страницам.

Книга была раскрыта на главе «Чревовещатели». Египетские жрецы, говорящие камни и статуи, веселый король Эдуард Седьмой и нерадивые придворные – Теодор медленно погружался в историю древнего и невероятного искусства. На арену чревовещание вышло в конце восемнадцатого века, вместе с Чарлзом Эльворти и его знаменитой куклой Мистером Боксом. Животных использовали редко: научить зверей сложной артикуляции почти невозможно. С той собакой работал настоящий профессионал. Теодор не мог придраться: пасть она открывала вовремя, слова явно звучали из собачьей глотки, а то, что не было видно самого чревовещателя, говорило о высочайшем мастерстве. Такие не работают в одиночку – Теодор не сомневался: в город приехал цирк.

Из кухни выплыла Агата с дымящейся тарелкой овсянки.
– Вы ведь знаете, что читать за столом вредно, – на остром лице застыло осуждение.

Теодор попытался ответить, не раскрывая рта, – вдруг у него тоже есть задатки чревовещателя? Способности, может, и были, но отсутствие тренировок сделало свое дело. За хрипами, гудением и кряхтением он и сам не понял, что сказал, смутился и замолчал.

– Простите? – переспросила Агата. Поставила перед Теодором кашу и поморщилась, забирая суп. – Пожалуйста, не надо говорить с набитым ртом, не дай бог, подавитесь.

– Нет-нет, – поспешил успокоить ее Теодор. – Я... это дыхательная гимнастика, знаете, очень полезно для сердца.

Агата покосилась на раскрытую книгу: полполосы занимала фотография знаменитого Элиаса Шангале.

– Когда я была маленькой, ходила на его выступление. Дыхательная гимнастика, ну-ну...

– Давайте я покажу вам фокус? – поспешил сменить тему Теодор. – Это быстро... Я много тренировался, и мне хотелось бы услышать ваше мнение.

Агата вздохнула и с показным смирением присела за стол. Теодор торопливо, пока она не передумала, открыл книгу. Загнутый уголок страницы отмечал номер, над которым он сейчас работал. Теодор проделывал фокус десятки раз и отлично помнил порядок действий, но решил подстраховаться. Как любой артист, он нуждался в зрителе и в тоже время боялся его – боялся, что сойдет и опростоволосится. Под суровым взглядом Агаты это было легче легкого.

– Номер называется «Исчезающие предметы». Суть его в том, что предметы... э... исчезают. Для примера возьмем вот эту ложку, – Теодор протянул ее домработнице. – Можете осмотреть и убедиться: это самая обыкновенная ложка, из тех, что вы используете на кухне.

– Знаю, – сказала Агата. – Эту ложку я мою три раза в

день уже восемь лет.

– Ну да, – смутился Теодор. – Понимаете, так положено говорить, всегда находятся люди, которые сомневаются. Сейчас эта давно известная вам ложка таинственным образом испарится. Смотрите внимательно...

Теодор сжал ложку двумя пальцами и принялся выводить вокруг нее пассы. Главное – отвлечь зрителя, ослабить внимание. Теодор не сводил глаз с лица женщины, высматривая малейшие признаки рассеянности. Сквозь вежливый интерес явно читалось: «Ну и долго это будет продолжаться?». Ничего, если он собирается достичь успеха, надо уметь работать с любой публикой.

– Ой! Что...

Как только взгляд Агаты метнулся в сторону, Теодор разжал пальцы. Сталь скользнула по ладони. Ложка зацепилась за манжету, на миг замерла и, вместо того чтобы провалиться в рукав, грохнулась в тарелку. Теодор попытался поймать ложку-предательницу и вместо этого с размаху хлопнул по краю тарелки – та подскочила и сорвалась со стола. Овсянка шмякнулась на ковер. Теодор замер с раскрытым ртом, не находя слов от стыда и досады.

– Это все? – уточнила Агата. Дождаться ответа она не стала. – Как я погляжу, исчезла ваша каша. Суп вы не доели... Прикажете снова готовить?

Теодор сглотнул и виновато улыбнулся.

– Простите... Не надо готовить, я не голоден, спасибо. Я

сам все уберу, и...

Агата покачала головой. Лицо ее смягчилось.

– Ничего страшного, я сварю кашу еще раз. Пропускать обед нельзя – для вашего желудка это вредно. И, мой вам совет: бросайте вы эти фокусы, всю эту мумбу-юмбу. В вашем возрасте как-то не солидно. Придумайте более спокойное хобби. Вы никогда не думали коллекционировать марки?

Щелк, щелк... Еще одна минута вентиляторного времени. Теодор побарабанил пальцами по столу.

– Знаете, в город приехал цирк, – заговорил он. – Настоящий бродячий цирк-шапито. С тиграми и слонами, цветными шатрами и акробатами...

– Ничего подобного, – Агата мотнула головой, словно пыталась отбросить саму мысль о цирке. – С чего вы взяли? Я читаю все утренние газеты, и разговоры там только о грядущем затмении да о том, как оно повлияет на здоровье. Про слонов ни строчки. Афиш по городу я не видела, а без рекламы они как без рук. Вам надо прекращать утренние прогулки – жара и солнце плохо на вас влияют. Похоже, вы просто перегрелись. Может, вызвать врача?

К счастью для Агаты, тарелка с кашей лежала на полу, иначе бы Теодор не сдержался и запустил ее прямо в тощую физиономию. Как иллюзионист, аристократ арены, он с предубеждением относился к клоунаде, но сейчас можно было пойти на смешение жанров.

– Спасибо, я прекрасно себя чувствую, – сухо ответил он.

Агата покачала головой.

– Все-таки вам лучше полежать, прийти в себя. Все проклятое затмение – в газетах так и пишут, что для метеочувствительных людей эти дни опасны. Протуберанцы и солнечный ветер; говорят, там какая-то буря и нужно быть очень осторожным. Я добавлю вам в чай успокоительных капель.

* * *

На следующий день Теодор вышел из дома пораньше, сбежав от Агаты сразу после завтрака. Надо было найти цирк хотя бы ради того, чтобы уговорить домработницу: ее заботливость приняла угрожающие размеры. Собаке необязательно сидеть под афишами – место, где их расклеили, могло оказаться неудобным или их сорвали хулиганы, а газеты... Всем известно, как дороги нынче объявления в газетах!

Теодор выкатился из трамвая у Морского Банка и разочарованно вздохнул: собаки не было. Сгорая от нетерпения, он прошелся по улице, снова оглядывая стены и афишные тумбы, вернулся по другой стороне и поднялся ко входу.

– Вчера не дошли до порта? – первым заговорил швейцар.

– Не успел, – ответил Теодор. – А что, собака сегодня не появлялась?

– Какая собака?

Теодор сердито взглянул на швейцара, но усатое лицо выражало искреннее недоумение. Не помнит ни загадочного

пса, ни вчерашних эволюций Теодора, за которыми следил с такой насмешкой! Неужели чревовещатель – еще и гипнотизер? Но оба искусства требуют долгих тренировок, вряд ли можно достичь мастерства в обоих разом. Наверное, швейцар вчера перегрелся, да и жуткая пробка действовала на нервы... Куда теперь? В парк?

– А вы бы сходили, прогулялись по набережной, – продолжал швейцар. – В такую погоду морской ветерок – милое дело. Я бы сам с удовольствием...

Теодор уже не слушал его. Как он не догадался! В порту найдется если не цирк, то хотя бы люди, видевшие его при-
бытие. Не попрощавшись, Теодор бросился к остановке, и вскоре маршрутка везла его в порт.

* * *

По набережной прогуливались люди принаряженно-официального вида, и Теодор вспомнил, что сегодня отмечают юбилей Морского вокзала. Огибая закованных в пиджаки менеджеров, он зашагал вдоль причалов, сосредоточенно оглядывая мощные обводы пассажирских лайнеров.

Один корабль пришвартовался совсем недавно – по трапу спускалась стайка пассажиров. Теодор скользнул по ним взглядом, даже не надеясь, что меж кисей и зонтиков мелькнет лицо Алисы. Она должна вернуться на том корабле, что и сбежала; Теодор ждал, когда на рейде бросит якорь «Ве-

ликолепный», на котором проклятый Проспе-ро увез все его мечты и надежды. Давным-давно он прочел в газетах, что пароход пропал без вести во время шторма, однако окутанная блестящей дымкой полоска горизонта и бередящие душу гудки были убедительнее газетных строчек.

На краю причала курил пожилой моряк. Его красная физиономия располагала к доверию, и Теодор подвинулся ближе.

– Извините, не могли бы вы сказать... – Моряк вынул изо рта сигарету и выжидающе посмотрел на Теодора. Тот помялся и, собравшись с духом, выпалил: – Вы не знаете, в порт не прибывал цирк?

– Цирк? – задумался моряк. – Нет, не видал. Да вы не там ищете. Вам вон куда надо, – он кивнул туда, где городская набережная упиралась в причалы для грузовых судов и склады.

Но среди барж, ржавых каботажных посудин и остро пахнущих рыбой сейнеров не нашлось ни «Великолепного», ни другого корабля, на котором мог бы прийти цирк. Отчаявшись, Теодор попытался проникнуть в доки, где звенел металл и орали озверевшие от жары механики, но его выгнали, не пожелав и слушать.

Теодор доковылял до набережной и присел на чугунную скамью. Тоскливо взглянул на гавань, куда входила баржа, груженная блестящими цистернами, и хлопнул себя по лбу: можно попытаться найти груз, принадлежащий цирку! На

контейнерах наверняка есть маркировка – Теодору отчетливо представилось схематичное изображение слона. Не отдышавшись толком, он заспешил к складам.

Застоявшийся воздух в узких проходах между контейнерами походил на воду в нечищенном аквариуме. Под ногами хлюпали тухлые лужи, покрытые радужной пленкой, грязные обрывки пеньки и шпагата цеплялись за ботинки. Меж пышущих жаром стен стояла вязкая тишина, изредка нарушаемая приглушенным говором порта. Похоже, поиск циркового багажа оказался пустой затеей: Теодор и не думал, что портовые склады так огромны. Он остановился, не представляя, как выбираться из этого лабиринта.

Над головой нависал гигантский дощатый ящик; дерево посерело и обросло понизу зеленоватыми ракушками, но еще пахло опилками. Теодор с удовольствием вдохнул смолистый аромат и услышал тихие, мягкие шаги. Доски показались вдруг совсем тонкими. В ноздри ударил острый звериный запах, и низкий гул отозвался дрожью в диафрагме. Гудение перешло в грохочущий рокот, эхом прокатившийся по лабиринту. Со всех сторон разом донеслось громовое фыркание, и наступила тишина – лишь тонко звенела полоска жести.

Теодор задохнулся. Рядом – клетка с тигром! Он снял очки и приник к узкой щели между досками, но увидел темноту. В досаде Теодор хлопнул ладонью по дереву, и в ответ снова зарокотало – но тихо-тихо, издалека. Теодор опроте-

тью бросился на звук, под ногами зачавкала грязь, заглушая рычание. Он застыл и прислушался.

Снова отчетливый рык – теперь справа. Теодор ринулся в боковой проход и тут же услышал, что рычат уже впереди. Слабый ветерок завонял кошачьей мочой. Издали неслось гроыхание кранов, крики портовых рабочих, но для Теодора существовал только лабиринт контейнеров, по которому катился, дразня и убегая, тигриный рев. Сердце трепетало в горле. Дневной свет померк и стал синевато-холодным, будто в небе вместо солнца подвесили тусклый прожектор. Потеряв голову, Теодор кидался во все стороны, на секунду уверяясь, что звери совсем близко, но рычание затихало; вдруг вновь появлялся сильный дух зоопарка и развеивался, сменяясь запахом машинного масла или щекочущим ароматом специй. Рычание доносилось все реже и вскоре стало совсем тихим, заглушенное чьими-то криками. Очки запотели, и Теодор метался вслепую, оскальзываясь и задыхаясь в погоне за призрачным звуком.

Голоса становились все ближе, и Теодор счастливо всхлипнул: между контейнерами сверкнуло яркое и блестящее. Хватая ртом воздух, он вывалился на площадку перед причалами. Ноги не держали. Он прислонился к горячей стенке контейнера. Руки тряслись от нетерпения, пока Теодор протирал очки. Заранее улыбаясь, он водрузил их на нос и не смог удержать разочарованного крика. Среди луж и куч мусора стоял алый лимузин. Теодор знал эту машину: она

принадлежала начальнику порта. Из салона в открытое окно вилась струйка сигарного дыма.

Рядом разгружали баржу. Портовый кран полз по ржавым рельсам. На таях раскачивался оранжевый контейнер; он кренился, готовый выскользнуть из толстых цепей. Порывы ветра раскачивали его, как огромный маятник. Снизу смотрели несколько угрюмых грузчиков. Они передавали по кругу сигарету и то и дело начинали кричать, размахивая руками. Теодор сомневался, что крановщик слышит их указания, скорее, грузчики красовались перед начальником порта.

Рельсы заканчивались рядом с лимузином. Вздвогнув тоннами железа, кран остановился. Контейнер качнулся, надрывно взвыли блоки, опуская груз. Он с грохотом ударился о крышу такого же железного ящика и на секунду замер. Раздался предупреждающий крик. Контейнер с диким скрипом начал сползать в сторону. Одно из звеньев не выдержало, цепь лопнула. Стальной хлыст звонко ударил по железным бортам: так дрессировщик подстегивает тигра к прыжку. Контейнер сорвался и обрушился на автомобиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.